

Astrakhan region in 1992]. *Archive of the Institute of Archeology of RAS*, R-1, no. 17655, 17656.

9. Malov N. M., Malyshev A. B., Rakushin A. I. *Religiya v Zolotoy Orde* [Religion in the Golden Horde]. Saratov, Saratov University Publ., 1998, 127 p.

10. Malyshev A. B. *Khristianstvo v istorii Zolotoy Ordy: Dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk* [Christianity in the history of the Golden Horde: Dissertation of the candidate of historical sciences]. Saratov, 2000, 281 p.

11. Myskov E. P. Russkoe kladbishche Vodyanskogo gorodishcha [Russian cemetery of Vodyanskoye settlement]. *Nizhnevolzhskiy arkhologicheskii vestnik* [Low Volga archaeological herald], 2001, issue 4, pp. 123–135.

12. Pakalina L. Yu. K voprosu o khristianstve v Zolotoy Orde [On the issue of Christianity in the Golden Horde]. *XXV Uralo-Povolzhskaya arkhologicheskaya studencheskaya konferentsiya: tezisy dokladov* [XXV Ural-Volga Archaeological Student Conference: abstracts]. Samara, Samara State Pedagogical University Publ., 1994, pp. 50–52.

13. Panova T. D. *Tsarstvo smerti. Pogrebalnyy obryad srednevekovoy Rusi XI–XVI vekov* [The Kingdom of Death. Funeral rite of medieval Russia of the 11th–16th centuries]. Moscow, Radunitsa Publ., 2004, 188 p.

14. Pigaryov E. M. Redkiy tip enkolpiona s Selitrennogo gorodishcha [Rare type of enclon in the Selitrennoye settlement]. *Povolzhskaya arkhologiya* [Volga region archaeology], 2012, no. 1, pp. 120–121.

15. Poluboyarinova M. D. *Russkie lyudi v Zolotoy Orde* [Russian people in the Golden Horde]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 67 p.

16. Stanyukovich A. K., Osipov I. N., Solovov N. M. *Tysyacheletie kresta. Proizvedeniya russkoy khristianskoy metalloplastiki X–XX vv. iz chastnykh sobraniy* [The millennium of the cross. Works of Russian Christian metal plastics of the 10th–20th centuries. From private collections]. Moscow, 2003, 62 p.

17. Khanenko B. I., Khanenko V. N. *Drevnosti russkie. Kresty i obrazki. Sobranie enkolpionov, krestikov i obrazkov B. I. i V. N. Khanenko* [Russian antiquities. Crosses and icones. Collection of encolpions, crosses and icones of B.I. and V.N. Khanenko]. Kiev, 1900, issue 2, 48 p.

ФЕНОМЕН ПРИШЛЫХ СЛУЖИЛЫХ ГРУПП В БУКЕЕВСКОЙ ОРДЕ КАЗАХОВ (начало XIX – начало XX века)

Ишмухамбетов Рамиль Валитович, аспирант

Астраханский государственный университет

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: ramil_0186@mail.ru

Статья посвящена роли служилых групп в истории Букеевской Орды. Букеевская Орда и её история представляют собой важную часть истории всего Прикаспийского региона. Несмотря на то, что изучение разных аспектов насчитывает два столетия, в её истории имеются лакуны. Одним из таких аспектов является история служилых групп. Смена общественной парадигмы развития в Букеевской Орде (ориентировка на перенятие «татарского», так же и ногайского типа в образовании и хозяйствовании) способствовала, по нашему мнению, возвышению нескольких групп – ногайского и татарского (мишарского) происхождения: первые с именем ногай – казак и карагашногай, вторые – с именем каракалпак. Эти группы, пришлые в своей основе, составили опору власти хана. Особенно это проявилось в восстании Исатая Тайманова. Впоследствии представители групп, осуществляя полицейские функции, получили особое расположение властей. Упомянутые группы, бывшие прежде особыми этносоциальными, ныне стали особыми субэтническими единицами в составе западной (букеевской) части казахов. Сейчас потомки групп, оставивших свой яркий след в букеевской истории, проживают там же, храня память и традиции.

Ключевые слова: Букеевская Орда, Джангир-хан, ногай-казахи, каракалпаки, туленгиты, ногайцы-карагаши, восстание Тайманова

**PHENOMENON OF ALIEN SERVING GROUP
IN KAZAKH BUKEYE HORDE (turn XIX – XX centuries)**

Ishmukhambetov Ramil V., postgraduate student
Astrakhan State University
20a Tatisheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: ramil_0186@mail.ru

This article is devoted to the role of service groups in the history of the Bukey Horde. Bukey Horde and its history represent an important part of the history of the entire Caspian region. Despite the fact that the study of various aspects has two centuries in its history, there are gaps. One such aspect is the history of service groups. Changing social development paradigm in Bukeyev Horde (orientation on the takeover of "Tatar" just and the Nogai type in the formation and management has contributed, in our view, the rise of several groups – Nogai and Tatar (Mishar) origin of the first named Nogay – kazakh and karagashnogay, second – named Karakalpak. These groups, it's basically amounted to support the authorities Khan. This is especially apparent in the uprising Isatai Taimanov. Subsequently, representatives of the groups carrying out police duties received special location of the authorities. These groups were before special ethnosocial, have now become special sub-ethnic units as part of the western (Bukeyev) part of kazakhs. Nowadays of the descendants of groups that left the bright trace in the history of Bukeyev horde live there to keep the memory and traditions.

Keywords: bukey horde, Jahangir Khan, Nogai-Kazakh, Karakalpak, tulengits, Nogai-Karagash, Taimanov rebellion

Образование Букеевской Орды в первой половине XIX в. стало важным событием в истории Прикаспийского региона и народов, его населяющих. Особенно это верно в отношении соседствующих ныне, как и прежде, традиционно дружественных России и Казахстана.

Являясь своего рода «государством в государстве» – казахским в российском, она составляла, по обоснованному мнению ряда авторов (например, С.З. Зиманова), передовую часть казахского общества, которая, соседствуя с обществом российским, перенимала новый жизненный уклад, новые ценности и принимало новый вектор развития во многих аспектах жизни.

История изучения этого события, равно как и история изучения самой орды, насчитывает уже два столетия. И, более того, она продолжает представлять интерес для исследователей, имея многие стороны, которые нуждаются в дальнейшем изучении.

Одной из таких тем является история служилых групп, связанных с управленческим аппаратом этого территориально-политического образования.

Служилые группы, исполняя полицейские и прочие функции, сыграли определённую роль в её истории, которая требует своего раскрытия. Считаем уместным в изучении служилых групп Букеевской Орды привлечение социального «образа» – «человек фронта» (Д. Тернер, Н.Е. Замятина, Л.В. Баева, В.М. Викторин и др.).

Пограничье (фронтир) здесь представлено как землями Волго-Уралья (исконно бывшие таковыми), так и границей кочевых и осёдлых культур и пограничьем разных тюркских народов.

Особого внимания при изучении истории ханства и, в нашем случае, служилых групп заслуживает сама фигура проводника реформ и при этом самовластного хана – Джангира Букеева, весьма противоречивая и сыгравшая особую роль в истории Букеевской Орды, более прочих определившая во многом вектор её развития [4, с. 414–420].

Хан Джангир Букеев при приверженности российской модели развития, будучи реформатором и просветителем, тем не менее, был авторитарным правителем. Букеевская Орда воспринималась «ханским поместьем». Противоречивая политика хана [3, с. 30–52] вызвала, в конце концов, восстание И. Тайманова.

Необходимость определения той роли, которую сыграли служилые группы в истории Букеевской Орды, со стороны разных авторов, вызвала к жизни разные, порой прямо полярные мнения.

Видный учёный, профессор, академик АН РК С.З. Зиманов в своей книге, посвящённой Букеевской Орде, не выделял особо роли служилых групп: «Окружение хана (в добукеевское время) составляли его семья и приближенные султаны из других фамильных ветвей, туленгуты, военные служители. В лучшем случае из них выделялись так называемые шабарманы – гонцы и исполнители служебных поручений хана» [11, с. 171].

Свою заметную роль в истории Букеевской Орды сыграли и казаки Астраханского и Уральского казачьих войск, хотя роль эта, несомненно, у казаков была специфической и имела отличия от функций, исполняемых их собратьями в других уголках Российской империи. Численность казаков, находящихся при хане, по его данным, состояла из: 100 астраханских, 25 уральских казаков [11, с. 124].

Казаки уральские и астраханские, тем не менее, были некоей «третьей силой», или же «силой со стороны», стоящей между ханом и народом. Следуя иным целям, нежели ханская власть или народ, они, соответственно, не могли пользоваться популярностью и в народной среде, да и в глазах хана не могли снискать в своем лице доверия и служить основой ханской власти, несмотря на то, что во многом разделяли эту функцию.

Необходимым для нас является уделение внимания тому факту, что, не считая имевших официальное признание служилых групп, в Букеевской Орде сложились и функционировали особые «внутриордынские» служилые группы, влияние которых на жизнь Букеевской Орды было не менее значимо.

Итак, в Букеевской Орде роль служилой группы поначалу ещё играли «туленгуты» – особый институт казахского общества. Относительно статуса их и проведения параллелей с соответствующими служилыми группами между авторами-исследователями существовали различные мнения, что было замечательно исследовано и проанализировано В.Ф. Шахматовым [28].

Современник событий И.А. Левшин видел в туленгитах не служилое сословие, а скорее рабов [16, с. 292]. Если такой взгляд на туленгитов верен, то это как будто бы предопределило «вымещение» туленгутов с ханской службы и замену их новыми служилыми группами в Букеевской Орде.

Ко времени Букея Нуралиева, видимо, ещё имели место быть попытки объединить в их лице официальные группы «извне» и «внутри», т.е. казаков и ханских прислужников. Бий туленгутского рода, получивший звание хорунжего, Бармак Муратов был видной фигурой при ханском дворе. Видимо, не случайно именно он был в составе поздравительной делегации, посланной ханом в 1814 г. в Петербург к царскому двору [10, с. 182–183].

Весьма информативным является перечисление этих групп с определением их социального статуса и выявлением параллелей между ними, предпринятое В.М. Викториним и Э.Ш. Идрисовым в их совместной статье [8, с. 202–207].

Но следует сказать, что к этому времени (начало I-ой половины XIX в.) институт туленгутов, видимо, исчерпал свою полезность, что и привело к изменениям в их статусе и поискам им замены, более соответствующей требованиям времени [6, с. 123]. И заметим, что уже к предшествующим этим событиям времени (начало – I-ая половина XIX в.) институт туленгутов, судя по всему, хоть и не полностью, но исчерпал свою полезность. Это показали и события во время сбора налогов Карал-Ходжой Бабаджановым с туленгутами, и во время восстания И. Тайманова [3, с. 110]. Профессор Е.Б. Бекмаханов справедливо отметил слияние туленгутов с общей массой казахов [3, с. 111]. Таким образом, туленгуты, во многом сблизившиеся с простыми казахами «черной кости», не могли более по этой причине составить опору власти хана.

Условия нового времени, смена курса развития общества Букеевской Орде (ориентировка на перенятие всего «татарского» (также и ногайского)) вызвали образование сложения нескольких групп – ногайского и татарского: одни с именем но-

гай-казак и карагашногай, другие – с именем калпак или каракалпак. Все эти роды входили в состав жузов, называясь «кирмес» (каз. «не входящий») [25, с. 15].

Именно А.Н. Харузин отметил существование двух групп каракалпаков: одну «самозваную» и одну «истинную», имея в виду настоящих каракалпаков, присоединившихся к Младшему жузу во время его пребывания в Средней Азии до появления в междуречье Волги и Урала принятых в состав казахов, что оговаривается шеджере именованием «шала-казак» [26, с. 42].

Тем не менее, мы не располагаем данными их участия в формировании именно этой группы «служилых каракалпаков», напротив, исследователи, к примеру П.И. Небольсин [17, с. 120] и А.Н. Харузин [26, с. 43], явно различают их, разделяя по происхождению и статусу. Исследователями этой проблемы в наше время являются профессор Л.Ш. Арсланов из г. Елабуги в Татарстане, который изучил их диалект, сделав однозначный вывод о татарском (оренбургском и мишарском) происхождении, а также астраханец, доцент В.М. Викторин, который обобщил опыт предыдущих исследователей, совмещая архивный и этнографический материал [29, б. 116–120; 3. б. 20–21 и др.].

Профессор А.В. Ремнев из г. Омска, рассмотрев причины усиления татарского влияния в Букеевской Орде, отметил, что татары были неким «цивилизующим началом» и м о с т о м для букеевцев при переходе к осёдлости и новому типу жизни. Они, вместе с тем, вызывали опасения царской администрации в том, что эти отношения приведут к «татаризации» и «исламизации» [20, с. 7, 5–30].

Является установленным теперь фактом, что наши «калпаки» – это татары, предки которых бежали в степи с царской солдатской службы, с нынешнего Оренбуржья. Был использован особый «приём маскировки» первыми калпаками (и ханом Джангиром для них) перед имперскими властями своей этнической идентификации, что порой приводило к курьёзам и недопониманию.

История изучения всего этого феномена насчитывает, со времени самого его возникновения, два столетия. Уже авторами – современниками событий (А.Ф. Терещенко, П.И. Небольсин) отмечалось, что этот шаг был сделан, чтоб уклониться от розыска и обвинения в «дезертирстве», что, само собой, грозило недавним беглецам крупными неприятностями.

Интересно и весьма информативно описание букеевских калпаков и ногай-казахов со стороны профессиональных этнографов, например, П.И. Небольсина. Считаю его первым, обратившим внимание на феномен «букеевских служилых групп» и обозначившим его, специально так не назвав. Данный компетентный автор даже посвятил именно этой группе отдельную главу в своей книге «Очерки Волжского Низовья» [17 с. 114]. В ней он прекрасно описал историю их происхождения и злоключений. Состоятельность того сможем несложно проследить и подтвердить по архивным материалам.

А.Н. Харузин заметил, что каракалпаки считаются «прямо отдельной народностью» – и не имеют того же социального престижа, как ногай-казахи [26, с. 40–60].

Важно отметить факт принятия «каракалпаками» общей для других служилых – всех «ногай-казахов» – тамги (Т «мóлот»: ног. “шоькиш”, каз. “балгы”) [26, с. 40]. Это, судя по всему, свидетельствует о формальном принятии их в состав родоплеменного объединения и принятии единого этносоциального статуса. О таком случившемся сближении-объединении свидетельствуют и наши полевые данные [18, ПМА].

Указанной проблеме, так или иначе, уделяли внимание авторы, исследовавшие историю Букеевской Орды и восстание Исатая Тайманова (Б.З. Аспандияров, А.Ф. Рязанов, С.З. Зиманов, и др.).

Известный историк казачества из Оренбурга и Казахстана А.Ф. Рязанов, заметил: «больше всего бежало в степь татар, которые как единоверцы казахам, находили в казахских степях себе приют и гостеприимство. Татары пользовались за свою грамотность большим уважением, в особенности у султанов и старшин, которые будучи

неграмотны, очень нуждались в их услугах: татары вели их канцелярию, обучали грамоте детей и иногда исполняли обязанности мулл» [22, с. 253].

Астраханский исследователь В.М. Викторин в своих работах [5–7], привлекая архивный и этнографический материалы, подтвердил, что под именем каракалпаков в Букеевской Орде проживали беглые от рекрутчины солдаты – мишари и оренбургские татары (догадки об этом высказывал еще П.И. Небольсин [17 с. 134]). Они были приняты в Букеевскую Орду в 20-е гг. XIX в. по «приёмному приговору». Однако их существование в качестве служилой группы долго не продлилось – было шатким и неустойчивым.

В конце концов, вызвав неудовольствие хана, нашим «каракалпакам» пришлось искать альтернативу проживанию в Букеевской Орде. О злключениях букеевских каракалпаков сохранился богатый архивный материал. Оренбургская пограничная комиссия, канцелярия астраханского губернатора вели между собой продолжительную переписку, стремясь определить статус калпаков. Процесс этот затянулся на несколько десятилетий.

В конце концов, некоторой части калпаков удалось добиться нового приёмного приговора в Букеевской Орде [9, с. 29].

Для нашего исследования особый интерес в изучении представляют именно служилые функции групп. Служилый статус букеевских каракалпаков, ногай-казахов и туленгитов, имел свои особенности: это была особая «внутренняя служилость», не имевшая по определению признания центральных властей, но подкрепленная расположением и поощрением ханской власти.

Можно понять характер складывания таких отношений (собственная гвардия – привилегия царственных особ, к которым букеевские ханы уже не могли относиться в силу принятия российского подданства).

В случае с калпаками «принятость» имела особый статус, так как была заверена уникальным в своем роде «приёмным приговором», упоминание о котором, и частичное воспроизведение которого, мы находим в документе, содержащем переписку губернаторов и ведомств, о чём будет упомянуто далее.

Существует обширный архивный материал, связанный с историей этой субэтнической группы, позволяющий во многом подтвердить выводы предыдущих исследователей. В частности, нам удалось обнаружить документы, аналогичные тем, которые были найдены В.М. Викториним: переписку астраханского и оренбургского губернаторов с целью определить дальнейшие действия в отношении каракалпаков, изгнанных из орды и водворившихся на землях Астраханской губернии, пограничных Саратовской губернии и Букеевской Орде [31]. Так, астраханская часть переписки – документ, обнаруженный В.М. Викториним, начинается с нелестного отзыва-обращения хана Джангира о каракалпаках, на которых он начинал жаловаться [29, л. 3, 3 об.], опасаясь «могущих быть от таковых сообществ неприятных последствий».

Далее следуют просьбы определить им «новое место проживания» – этот документ непосредственно связан именно с первой «изгнанной» Джангиром в 1827 г. группы (назовём её «казанской» и «оренбургской»), обвинённой попутно в буйствах и грабежах, о чём упоминает и А.Н. Харузин. Решение этой проблемы и злключения калпаков растянулись на долгих два десятилетия, о чём свидетельствует найденный нами документ [31].

За нерешённостью вопроса о том, в каком статусе пребывать и к какому обществу быть причисленными, появился и интересный, но неосуществлённый проект произвести каракалпаков в казацье сословие, о чём свидетельствует проект о причислении каракалпаков к Уральскому казацкому войску [31, л. 13]. Однако они отказались от этого, опасаясь причинения притеснений со стороны башкир [31, л. 33].

Существовал и не менее интересный проект переселения «бесприютных» каракалпаков в кизлярскую Ногайскую степь с причислением к кочующим караногайцам, который, тем не менее, был отвергнут ими самими [31, л. 68 об.].

Судя по всему, для каракалпаков изначально более всего был желанен статус «кочующих (либо полуседлых) инородцев-припущенников», нежели какой-то иной статус, сопряжённый с военной службой. Об этом в частности свидетельствует и их пожелание быть причисленными к обществу кундровских татар (офиц. именование ногайцев-карагашей – Р.И.) [31, л. 3]. Так, мы видим, десятилетие спустя после приёма (в 1827 г.) каракалпаки были изгнаны султаном Джангиром из орды за непослушание, «буйный нрав и воровство» (об этом далее) и стали жить на границе. На место их Джангиром были приняты в орду «каракалпаки» другие, видимо, «временно служилые» – татары мишари [1].

Изгнанные жили в российских губерниях, по периметру Букеевской Орды. Не менее желанно стало для них и возвращение в состав Орды, однако хан решительно отказывал им в этом [31, л. 71], до того времени, когда в 1842 г. его не покинули вновь принятые «каракалпаки мишарские».

В 1850 г. каракалпаки смогли обратиться в Оренбургскую пограничную комиссию с просьбой причислить их в составе 28 семейств к числу киргизов Внутренней Орды (т.е. букеевских казахов), однако из-за жалоб, что казаки Таловского форпоста стесняют их землей, в просьбе было отказано.

В конце концов, в уже в 1866 г. эти калпаки, та часть из них кто пожелал, в составе 43 семей были причислены «высочайшим повелением» по факту приемного приговора в состав букеевских казахов [31, л. 169]. Вместе с тем, полевой материал В.М. Викторина (и наш собственный. – Р.И.) указывает на то, что часть каракалпаков была принята в состав карагашногайского рода найман [5, с. 20; 18].

Установленным фактом является близость ногай-казахов ханам: многие представители рода султанов последовательно управляли ногайским родом, в том числе сам хан Джангир. Как видно, это было продиктовано соображениями безопасности, во время же восстания подп. Геке отметил, что аул рода ногай всегда находился рядом с ханом и подле хана сменялся караул [10].

Особую служилую группу при букеевских ханах составляли и ногайцы-карагаша (карагашногаи), вернее, та их часть, которая переселилась в орду по приглашению власти. Сведения о карагашногаях в качестве служилой группы и историю формирования их этом качестве можно почерпнуть в исследованиях астраханского ученого Э.Ш. Идрисова и западноказахстанского ученого А.Ш. Курумбаева. Так, учёный и лидер молодёжного ногайского центра Астрахани Э.Ш. Идрисов в качестве возможных причин переселения части карагашей назвал недовольство властями [12, с. 21], вследствие чего часть их пожелала перейти под власть хана Джангира [30, л. 1].

Этнокраевед из г. Уральска А.Ш. Курумбаев, опираясь на эпиграфический материал, доказал, что карагаш-ногайцам, перешедшим в орду, была присвоена туленгутская тамга [15, с. 78].

Найденный нами в оренбургском краевом архиве документ проливает свет на служилые качества букеевских карагашногаев, в нём приводятся сведения о старшине «кундровских татар» (официальное название карагашногаев) Джаныбеке Токбердиеве, которого Букей в своем письме просит наградить за исполнение неких «секретных» поручений, при переходе казахов через Урал на «внутреннюю сторону» в Волго-Уралье [33, л. 1 об.], чем он вызвал «особое к себе расположение».

Обстоятельства приёма «старшины кундровских татар», т.е. ногайца-карагаша Джанибека Токбердиева, на ханскую службу до конца нами ещё не выяснены, но этот сюжет, несомненно, требует дальнейшего исследования.

Основной же группой во Внутренней орде, исполнявшей наряду с казаками полицейские функции, были при ханах ногай-казахи – потомки ногайцев, переселённых российскими властями из Дагестана, с Кумыкской плоскости, в Оренбуржье, в 1740-х гг., которые оттуда бежали к младшежузовским казакам. История этих

«кундровцев» замечательно и детально рассмотрена и проанализирована астраханским ученым В.М. Викторинным [7, с. 23].

Изучавший же их уже именно в этом качестве служилой группы А.Ф. Рязанов назвав их «элементом чужеродным в орде» справедливо отметил, что они будучи неказахского происхождения и владея вместе с султанами, третью всех земельных угодий ханства, отданной им в качестве поощрения, составляли главную опору власти хана и были почти единственными, кто защищал его во время восстания И. Тайманова [22, с.48;11, с. 58].

Как было установлено нами [14], переселённая российскими властями в 40-х гг. XIX в. часть терских (исходно «большеордынских») ногайцев на территорию оренбургских казачьих укреплений (а именно т.н. Кундровская Слобода близ р. Сакмара, описанная П.И. Рычковым [21, с. 165]) и составила основу ногай-казахов. Вернее та часть из них, которая бежала на территорию Младшего жуза казахов по приглашению хана Нурали, отца Букея [15, с. 136–141]. Прочие же ассимилировались среди татар Оренбуржья [7].

Самым ярким примером, показывающим осуществление своих функций «ногай-казахами» в качестве «служилой группы», является их участие в подавлении восстания Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, которое стало одной из самых значимых вех в истории Букеевской Орды.

Большинством исследователей (А.Н. Харузин, П.И. Небольсин, С.З. Зиманов и др.) единогласно зафиксировано особое положение ногай-казахов при ханском дворе и описывается их деятельное участие в подавлении восстания И. Тайманова и М. Утемисова. Сообщается об этом и в архивных документах, например, в рапорте подполковника Геке оренбургскому военному губернатору от 17 ноября 1837 г., где он уведомляет об участии нескольких сотен представителей рода ногай-казах, наряду с пятьюдесятью оренбургскими казаками в карательных действиях против Исатая Тайманова [14].

Несомненно, ногай-казахи сыграли особую роль при подавлении восстания Тайманова, оказав этим услугу хану Джангиру и подтвердив его к ним расположение. Впоследствии за оказанные Джангиру Букееву услуги ногай-казахи пользовались его неизменным расположением.

К середине XIX в. ханская власть была упразднена, для управления Ордой был создан Временный совет. Спустя два десятилетия место султанов – «белой кости», в нем заняла «новая аристократия» – выходцы из зажиточных семей, получившие образование.

Роль служилых групп, которые показали себя верной опорой власти во время восстания Исатая Тайманова, также стала сходить на нет, однако, утратив этот статус, они сохранились в качестве субэтнических групп и по сей день.

По нашему мнению, ногай-казахами (и в меньшей степени калпаками и букеевскими карагашногаями) в силу особого социального служилого положения и «иноплеменного» субэтнического самосознания было выработана особая самоидентификация по типу «мы – они» (Б.Ф. Поршнев) которая послужила формированию особого самосознания.

Во время нашей совместной с В.М. Викторинным экспедиции в Урде / Бокейорде (26–29 августа 2015 г.) у описанных групп нами был отмечен факт эндогамии – браки до сих пор заключаются предпочтительно в своей среде.

По данным А.Н. Харузина, для ногай-казахов, как для особой этносоциальной группы, были свойственны отличительные признаки, такие, например, как особые бешметы голубого цвета с серебряными застежками [26, с. 42]. Сохранялись и отличия в антропологии и ногайские особенности их говора [18].

В силу сходства социального положения, функций и наличие общей истории, произошло сближение калпаков с другими служилыми группами букеевцев – ногай-казахами и карагашногаями. Примечательно, что потомки этих групп и поныне жи-

в в местах исторически связанных с ханской семьей (п. Урда, ЗКО и п. Кумысолечебница Волгоградской обл.) [24, с. 15–20].

Итак, понимание роли и статуса пришлых служилых групп в Букеевской Орде казахов, динамики и эволюции таковых весьма важно и полезно для изучения кочевавших этнических и этносоциальных общностей вообще. Показательно, что архивные и полевые материалы удачно дополняют друг друга, повышая взаимную доказательность.

Подчеркнём, что именно Нижнее Поволжье и прилегающие степные просторы предоставляют по данной теме большой и многообразный массив сведений, требующий дальнейшего внимательного исследования.

Список литературы

1. Арсланов Л. Ш. Александров-Гай «каракалпакары» / Л. Ш. Арсланов, В. М. Викторин // Мирас журналы. – 1998. – № 4 (77). – С. 116–120 (на татар. яз.).
2. Аспандияров Б. З. Образование Букеевской орды и её ликвидация / Б. З. Аспандияров. – Алматы : Қазақ энциклопедиясы, 2007. – 400 с.
3. Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX в. / Е. Б. Бекмаханов ; под ред. Н. Б. Жиенгалиева. – Алма-Ата : Казахстанский ун-т, 1992. – 400 с.
4. Быков А. Ю. Алтайский государственный университет Административно-территориальные реформы в Букеевской орде / А. Ю. Быков // Актуальные вопросы истории Сибири : III науч. чтения им. пр. А.П. Бородавкина. – Барнаул : Алтайский ун-т, 2002. – С. 414–420.
5. Викторин В. М. «Калпак» – «каракалпак» атлы татарлар – кемнер алар? / В. М. Викторин // Сөембикә журналы. – 2007. – № 10. – Б. 20–21 (на татар. яз.).
6. Викторин В. М. Татары – «кара калпаки» (казанские и мишарские) в Нижнем Поволжье: парадоксы межэтнических связей тюркских народов в XIX–XXI вв. / В. М. Викторин. – Режим доступа: evrazia.org/modules.php?name=News&sid=2621, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Викторин В. М. Российско-казахстанские межэтнические связи в «родовом» составе Младшего жуза и Букеевской орды: «кундровцы» – «кондровцы» – «нугай – казаки» / В. М. Викторин // Тарих қойнауынан қазіргі заманға дейін = От истоков к современности : Халықаралық ғылыми-тәжірибелі конференция материалдары / редакцияны басқарған М. Н. Сдықов. – Орал, 2015. – Б. 20–28 (на каз. и рус. яз.).
8. Викторин В. М. Кочевое и полукочевое население Нижнего Поволжья в составе России: социально-хозяйственная и политико-потестарная эволюция в XVIII – нач. XX в. / В. М. Викторин, Э. Ш. Идрисов // Ранние формы потестарных систем : сб. ст. / сост. и отв. ред. проф. В.А. Попов ; МАЭ им. Петра Великого – Кунсткамера РАН, РФФИ, проект «Нация и государство в мировой истории». – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2013. – С. 202–228.
9. Викторин В. М. Бокей Ордасында көшіп келген рулар (Сырт - көз) / В. М. Викторин // Дана-каз. Журналы. – 2015. – № 4 (18). – Б. 29–32. – Решение доступа: danakaz.kz/syrt-köz, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. каз.
10. Жанаев Б. Т. История Букеевского ханства, 1801–1852 гг. : сб. док-в и мат-лов / Б. Т. Жанаев, В. А. Инночкин, С. Х. Сагнаева. – Алматы : Дайк-Пресс, 2002. – С. 182–183.
11. Зиманов С. З. Россия и Букеевское ханство / С. З. Зиманов. – Алма-Ата : Наука, 1982. – 171 с.
12. Идрисов Э. Ш. К вопросу об управлении полукочевыми ногайцами-карагашами в составе Астраханской губернии / Э. Ш. Идрисов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 2 (27). – С. 19–26.
13. Ишмухамбетов Р. В. К предистории межкипчакской субэтнической группы «ногай-казах» в составе западных казахов / Р. В. Ишмухамбетов // Ногайцы – XXI в.: от истоков к грядущему : мат-лы науч.-практич. конф. – Черкесск : Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований, 2014. – 469 с.
14. Казахско-русские отношения в нач. 1837 г. (Документ : ноября 17. – Рапорт подп. Геке оренбургскому военному губернатору о действиях карательных отрядов против Исатая Тайманова). – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/161-180/179.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

15. Курумбаев А. Ш. Этнические группы Букеевской Орды / А. Ш. Курумбаев // Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. Ногаеведческий сборник. – Астрахань, 2013. – Вып. 1. – С. 75–78.
16. Левшин А. И. Описание киргиз – казачьих или киргиз – кайсацких гор и степей / А. И. Левшин. – Алматы : Санат, 1996. – 656 с.
17. Небольсин П. И. Очерки Волжского низовья / П. И. Небольсин. – Санкт-Петербург : [Б.и.], 1852. – 197 с.
18. ПМА – Полевые экспедиционные материалы автора. Хранятся в его личном архиве.
19. Прохоров Б. Б. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь / Б. Б. Прохоров. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. – 320 с.
20. Ремнев А. В. Татары в казахской степи: соратники и соперники российской империи / А. В. Ремнев // Вестник Евразии. – 2006. – № 4. – С. 5–30.
21. Рычков П. И. Топография Оренбургская / П. И. Рычков. – Санкт-Петербург, 1762. – С. 132–134.
22. Рязанов А. Ф. Восстание Исатая Тайманова (1836–1838 гг.) / А. Ф. Рязанов. – Алма-Ата : Алтын-Орда, 1991. – 102 с.
23. Терещенко А. Ф. Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя Киргиз-Кайсацкая орда / А. Ф. Терещенко // Москвитянин. – Москва : Типогр. Ник. Степанова, 1853. – Т. 6, № 22. – С. 5–64.
24. Темиргалиев А. А. Волости, уезды... Казахи: Со схематической картой низовых административно-территориальных делений проживания казахов в 1897–1915 гг.: этнолого-картографическое исследование / А. А. Темиргалиев. – Алматы, 2012. – 43 с.
25. Усенбаев Т. А. Шеджере алшинов / Т. А. Усенбаев. – Кызылорда : Тумар, 2003. – Б. 464 (на казах. яз.).
26. Харузин А. Н. Киргизы Букеевской орды: антрополого-этнологич. очерк / А. Н. Харузин // Известия Общества ЛЕАиЭ при Московском университете. – Москва : Тип. А. Левенсона и К°, 1889. – Т. 63, вып. 1. – 338 с.
27. Шахматов В. Ф. Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова / В. Ф. Шахматов. – Алма-Ата : АН КазССР, 1947. – 252 с.
28. Шахматов В. Ф. Институт туленгута в патриархальном Казахстане / В. Ф. Шахматов // Известия Академии наук Казахской ССР. Сер. истории, экономики, философии, права. 1955. – № 2. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1820-1840/Tulengut/text.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
29. Государственный архив Астраханской области. – Ф. 2, оп. 1, д. 2381.
30. Государственный архив Астраханской области. – Ф. 394, оп. 1, д. 4372.
31. Государственный архив Оренбургской области. – Ф. 6, оп. 10, ед. хр. 47–94.
32. Государственный архив Оренбургской области. – Ф. 6, оп. 10, д. 996.
33. Государственный архив Оренбургской области. – Ф. 6, оп. 10, ед. хр. 7077.

References

1. Arslanov L. S. Viktorin V. M. Aleksandrov-Gay “karakalpakly” [Aleksandrov-Gaj “karakalpaks”]. *Miras zhurnaly* [Miras Journal], 1998, no. 4 (77), pp. 116–120.
2. Aspandiyarov B. Z. *Obrazovanie Bukeyevskoy ordy i ee likvidatsiya* [The appearance of Bukeyev horde and its elimination]. Almaty, Qazaq ehntsiklopediyasy Publ., 2007, 400 p.
3. Bekmakhanov E. B. *Kazakhstan v 20–40-e gody XIX v.* [Kazakhstan in 20–40-ies of the XIX century]. Alma-Ata, Kazakh University Publ., 1992, p. 107.
4. Bykov A. Yu. Administrativno-territorialnye reformy v Bukeyevskoy orde [Administrative-territorial reform in Bukeyev horde]. *Aktualnye voprosy istorii Sibiri: III Nauchnyye Chteniya im. prof. A.P. Borodavkina (5–6 October 2001 g.)*. [Topical issues of the history of Siberia: III Scientific Reading in Honor of prof. A.P. Borodavkin (5–6 October 2001)]. Barnaul, Altay State University Publ., 2002, pp. 414–420.
5. Viktorin V. M. “Kalpak” – “karakalpak” atly tatarlar – kemner alar? [“Kalpak” – tatars like Karakalpak?]. *Soembika zhurnaly* [Söbbican Journal], 2007, no. 10, pp. 20–21 (na tatar. yaz.).
6. Viktorin V. M. *Tatary-“karakalpaki” (kazanskie i misharskie) v Nizhnem Povolzhe : paradoksy mezhehtnicheskikh svyazey tyurkskikh narodov v XIX–XXI vv.* [Tatars-“kara kalpak” (Kazan and Mishar) in the Lower Volga region: the paradoxes of inter-ethnic relations of the Turkic peoples in the XIX–XXI centuries]. Available at: evrazia.org/modules.php?name=News&sid=2621.
7. Viktorin V. M. Rossiysko-kazakhstanskije mezhehtnicheskije svyazi v “rodovom” sostave Mladshego Zhuza i Bukeyevskoy Ordy: “kundrovtsy” – “kondurovtsy” – “nugay – kazaki” [Russian-

Kazakh interethnic communication in the “generic” part of the Little Horde and Bukeyev hordes: “kundrovtsy” – “kondurovtsy” – “Nougai-kazakhs”). *Tarikh koynauynan kazirgi zamanga deyin: Khalykaralyk gylymi-tezhirebeli konferentsiya materialdary* [From the beginnings to the present: International Scientific and Practical Conference Articles]. Ed. by M. N. Sdykov. Oral, 2015, pp. 20–28.

8. Victorin V. M., Idrisov E. Sh. Kochevoe i polukochevoe naselenie Nizhnego Povolzhya v sostave Rossii: sotsialno-khozyaystvennaya i politiko-potestarnaya evolyutsiya v XVIII – nach. XX v. [Nomadic and semi-nomadic population of the Lower Volga part of Russia: socio-economic and political – Potestarian evolution XVIII – early XX century forms of potestarian systems] *Rannie formy potestarnykh sistem* [Early forms of the potestial systems: a collection of articles]. St. Petersburg, 2013, pp. 202–228.

9. Victorin V. M. Bokey Ordasynda koship kelgen rular [The migrated tribes of Bukeyev horde]. *Dana-kaz Zhurnaly* [Dana-kaz Journal], 2015, no. 4 (18), pp. 29–32.

10. Zhanaev B. T., Innohkin V. A., Sagnaeva S. H. *Istoriya Bukeyevskogo hanstva, 1801–1852 gg: sbornik dokumentov i materialov* [The history of Bukeyev Horde in 1801–1852-ies (a collection of materials and documents)]. Almaty, Dajk-Press Publ., pp. 182–183.

11. Zimanov S. Z. *Rossiya i Bukeyevskoe Khanstvo* [Russia and Bukeyev Khanate] Alma-Ata. Nauka Publ., 1982, p. 58.

12. Idrisov E. S. K voprosu ob upravlenii polukochevymi nogaytsami – karagashami v sostave Astrahanskoj gubernii [On the question of the management of semi-nomadic Nogai-Karagash as part of the Astrakhan province]. *Kaspijskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2011, vol. 2 (27), p. 19–26.

13. Ishmuhambetov R. V. K predystorii mezhipchakskoy subetnicheskoy gruppy “nogay-kazah” v sostave zapadnykh kazakhov [For history between Kipchak sub-ethnic group of "Noghay-Kazakh" in the western part of the Kazakhs]. *Nogaytsy XXI v.: istoriya, yazyk, kultura. Ot istokov k gryadushchemu: Materialy I Mezhdunaroy nauchno- prakticheskoy konferentsii (14–16 May 2014 g)* [Nogais – XXI century: from the beginning to the future: materials of the scientific-practical conference]. Cherkessk, Karachaevo-Cherkessia state university Publ., 2014. p. 136.

14. Kazahsko-russkie otnosheniya v nach. 1837 g., noyabrya 17. (Raport podp. Geke orenburgskomu voennomu gubernatoru o deystviyakh karatelnnykh otryadov protiv Isataya Taymanova) [Kazakh-Russian relations in the beginning. XVII. 1837 November 17. (Report cop. Goeke Orenburg military governor of the action against the Isatai Taimanov)]. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/161-180/179.htm – title from screen.

15. Kurumbaev A. Sh. Etnicheskie gruppy Bukeyevskoy Ordy [Ethnic groups Bukeyev Horde]. *Aktualnye voprosy istorii i kultury nogaytsev* [Actual problems of the history and culture of Nogays]. Astrakhan, OMC NK Publ. 2013, vol. 1, p. 75.

16. Levshin A. I. *Opisanie kirgiz-kazachikh ili kirgiz-kaysatskikh gor i stepey* [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak mountains and steppes]. Almaty, Sanat Publ., 1996, 656 p.

17. Nebolsin P. I. *Ocherki Volzhskogo Nizovya* [Essays on the Volga downstream]. St. Petersburg, St. Petersburg Printing House of the Ministry of Internal Affairs, 1852, pp. 153–155.

18. *Expedition materials of the author. In his personal Archive.*

19. Prokhorov B. B. *Ekologiya cheloveka. Ponyatiyno-terminologicheskii slovar* [Human ecology. Conceptually-terminological dictionary]. Rostov on Don, Feniks Publ., 2005, 320 p.

20. Remnev A. V. *Tatary v kazakhskoy stepi: soratniki i soperniki rossiyskoy imperii* [Remnev AV Tatars in the Kazakh steppe: supporters and opponents of the Russian Empire]. *Vestnik Evrazii* [Herald of Eurasia], 2006, no. 4, pp. 5–30.

21. Rychkov P. I. *Topografiya Orenburgskaya* [Topography of Orenburg]. St. Petersburg, 1762, pp. 132–134.

22. Ryazanov A. F. *Vosstanie Isataya Taymanova (1836–1838)* [Rebellion of Isatai Taimanov (1836–1838)]. Alma-Ata, Altyn Orda Publ., 1991.

23. Temirgaliev A. A. *Volosti, uezdy... Kazakhi: So skhematicheskoy kartoy nizovykh administrativno-territorialnykh deleniy prozhivaniya kazakhov v 1897–1915 gg.: ehtnologo-kartograficheskoe issledovanie* [Municipalities, counties... Kazakhs: With a schematic map of grassroots administrative-territorial division of the Kazakhs living in the 1897–1915 biennium: Ethnological-mapping study]. Almaty, 2012, p. 43.

25. Usenbaev T. A. *Shedzhere alshinov* [Pedegree of Alshins]. Kyzyl-Orda, Tumar Publ., 2003, 464 p.

26. Kharuzin A. N. *Kirgizy Bukeyevskoy ordy: antropologo-ehnologicheskii ocherk* [The Kirghiz Bukeyev Horde: anthropology-ethnology feature article]. *Izvestiya Obschestva LEAIEH pri*

Moscowscom Universitete [News of society of Anthropology and Ethnography of the University of Moscow], Moscow, Tipogr. A. Levensona i K° Publ., 1889, vol. 63, issue 1, p. 35.

27. Shakhmatov V. F. *Vnutrennyaya Orda i vosstanie Isataya Taymanova* [Inner Horde and the uprising of Isatai Taimanov]. Alma-Ata, Academy of Sciences of Kazakhstan Publ., 1947.

28. Shakhmatov V. F. Institut tulengutstva v patriarkhalmom Kazakhstane [Institute of tulenguts of patriarkhal Kazakhstan]. *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoy SSR* [News of Sciences Academy of Kazakhstan], 1955, no. 2. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1820-1840/Tulengut/text.htm> – title from screen.

29. *State Archive of Astrakhan region*. Found 2, Inventory 1, Case 2381.

30. *State Archive of Astrakhan region*. Found 394, Inventory 1, Case 4372.

31. *State Archive of Orenburg region*. Found 6, Inventory 10, Case 47–94.

32. *State Archive of Orenburg region*. Found 6, Inventory 10, Case 996.

33. *State Archive of Orenburg region*. Found 6, Inventory 10, Case 7077.

АСТРАХАНСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С БУДДИЙСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ КАЛМЫКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА¹

Курапов Андрей Алексеевич, заместитель директора по науке и экспозициям

Астраханский музей-заповедник

Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Советская, 15

E-mail: Akurapov78@rambler.ru

Рассматривается участие астраханских военных и гражданских губернаторов в управлении Калмыцкой степью и ее важнейшим социально-политическим институтом – буддийской церковью калмыков. На этапе окончательной интеграции калмыцкого народа в государственный аппарат Российской империи буддийская церковь сыграла значительную роль. Буддийское духовенство стремилось активно участвовать в социально-политической жизни калмыцких улусов, отстаивая права клерикальной элиты. Астраханские губернаторы, адекватно оценивая значимость буддийского духовенства в жизни калмыцкого общества, стремились интегрировать их в региональную политическую элиту, регламентировать деятельность буддийской церкви. В первой половине XIX в. были восстановлены личные контакты астраханских губернаторов и представителей буддийского духовенства, осуществлялось обсуждение наиболее актуальных проблем буддийской церкви. Характерной особенностью политики астраханских губернаторов в рассматриваемый период был отказ от радикального реформирования буддийской церкви калмыков, стремление избежать политических кризисов в калмыцком обществе в процессе реализации основных целей государственной политики в регионе. Значительный вклад астраханские губернаторы (А.П. Ермолов, И.И. Попов, В.Г. Пяткин) внесли в создание законодательных актов 1825 и 1834 гг., регулировавших управление калмыцким народом и буддийской церковью Калмыцкой степи.

Ключевые слова: астраханские губернаторы, буддийская церковь, Астраханская губерния, Калмыцкая степь, буддийское духовенство, лама, Зорго, управление, интеграция, Положение.

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ (Отделение по гуманитарным и общественным наукам) проект № 15-31-01007 «Аккультурация нерусских: имперские проекты и повседневная практика (на примере астраханских калмыков)» (The research is conducted with the financial support of of the Russian Foundation for Basic Research (Department for Humanitarian and Social Sciences) project No. 15-31-01007 "Acculturation of non-Russians: imperial projects and all-day practice (by the example of Astrakhan Kalmyks)"